

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБ УСИЛЕНИИ ЗАВИСИМОСТИ РОССИИ ОТ СТРАН АНТАНТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. Е. Иоффе

В советской исторической литературе давно установлено, что царская Россия находилась в зависимости от иностранного, прежде всего французского и английского капиталов, а в системе Антанты занимала неравноправное, подчиненное положение. Правильность такой характеристики положения царской России подтверждается многочисленными фактами.

Между тем Б. Б. Граве в своей статье «Была ли царская Россия полуколонией?»¹ предлагает пересмотреть это общепринятое определение, которое, по нашему мнению, не является дискуссионным. Она считает, что царизм вплоть до Февральской революции, а затем и Временное буржуазное правительство играли самостоятельную роль на мировой арене и во внешней политике руководствовались защитой собственных империалистических интересов. Автор отрицает такую экономическую и политическую зависимость России от западных держав, которая превращала ее в полуколонию, в подсобную силу союзников.

Мы согласны с тем, что не следует игнорировать самостоятельные империалистические цели царизма как в «малых войнах», так и в первой мировой войне. Бесспорно и то, что довоенная Россия не была германской полуколонией. Однако, характеризуя противоречия между империалистическими державами, приведшие к мировой войне, Б. Б. Граве несколько произвольно и односторонне толкует ленинские высказывания, и это приводит ее к известной переоценке роли русско-германских противоречий, к выдвиганию их на первое место.

В. И. Ленин, видя в войне два основных столкновения: между Англией и Германией, с одной стороны, и между Германией и Россией — с другой, — ставил русско-германские противоречия на второе место². Он подчеркивал, что «два главных и наиболее сильных хищника» среди империалистов — это Англия и Германия, и называл их «атаманами» каждой из разбойничьих шайк³.

Правильными, на наш взгляд, является критика Б. Б. Граве концепции М. Н. Покровского о роли России в империалистической войне, а также ее замечание относительно допущенных М. Павловичем преувеличений в оценке русско-французских отношений. В основном же вопросе, поставленном в статье Б. Б. Граве: «Была ли царская Россия полуколонией?», с позицией автора согласиться нельзя. Самый подход к решению этого вопроса носит слишком общий характер. Оценивая взаимоотношения дореволюционной России с иностранными государствами, Б. Б. Граве не различает довоенный и военный периоды. Она не учитывает тех важнейших изменений, которые внесла война в отношения между Россией и ее союзниками, в международное положение царизма, а затем Временного правительства. Б. Б. Граве не основывает свои выводы на всестороннем анализе конкретного исторического материала. Что же касается немногочисленных фактов, приведенных в статье, то они никак не подтверждают точки зрения автора.

Действительно, царизм оказался в тяжелой экономической и финансовой зави-

¹ «Вопросы истории», 1956, № 6. В дальнейшем ссылки на статью даются в тексте с указанием страницы.

² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 115.

³ См. там же, стр. 170.

симости от западных империалистов еще до первой мировой войны. В военные годы этот процесс превращения России в полуколонию шел более быстро. Царское правительство не располагало достаточными собственными материальными ресурсами для ведения войны. Оно не могло воевать без поставок военных материалов, машин, промышленного сырья из союзных стран. Например, И. В. Маевский привел интересные данные о военно-экономической отсталости предвоенной России⁴. Этой отсталостью воспользовались английское, французское, а затем и американское правительства, чтобы резко усилить финансово-экономическое давление на царскую Россию.

Финансовое положение царизма было тяжелым уже накануне первой мировой войны. За тридцать два года (с 1881 по 1913) царское правительство и монополистические объединения только в виде процентов по займам и дивидендов выплатили иностранным империалистам 7 900 млн. рублей. Эта сумма почти в два раза превышала стоимость основных фондов всей крупной акционерной промышленности страны.

Особенно энергично укреплял и расширял свои позиции в России французский финансовый капитал. В 1888 году в Париже был выпущен первый заем царского правительства, за ним последовала целая серия русских государственных займов во Франции. Всего до начала войны было реализовано 16 займов на сумму 13 231 млн. франков. Кроме того, был выпущен ряд железнодорожных и городских займов. Всего на французской бирже в 1913 году было реализовано русских займов на 17 млрд. франков... Внешние долги России к началу 1914 года составляли 6 215 млн. рублей⁵. За годы войны царское, а затем Временное правительство заключили новые займы на сумму свыше 8 млрд. рублей.

В. И. Ленин говорил, что займы Англии и Франции поддерживают Россию, как «веревка поддерживает повешенного»⁶. Финансовая зависимость превращалась в финансовую кабалу. Так, в течение 1917 года только в счет полученных займов царскому правительству предстояло уплатить союзникам 653,8 млн. руб.⁷, и это кроме оплаты кредитов, расчетов по внешней торговле, баланс которой был тогда дефицитен, и т. д. Общий долг России иностранным государствам составил накануне Октябрьской революции огромную сумму в 16 млрд. рублей⁸.

Царское и Временное правительства не были уже фактически хозяевами золотого запаса России — основы денежной системы. В связи с настойчивыми требованиями союзников эти правительства вывозили золото за границу. Наличие золота в Русском государственном банке уменьшилась с 1 614 млн. руб. в начале 1916 года до 1 470,6 млн. руб. в начале 1917 года⁹. Министерство финансов царского правительства предлагало поставить перед союзниками вопрос о прекращении дальнейшего вывоза золота, ссылаясь на то, что в январе 1917 года золотой запас Государственного банка России покрывал лишь 10% денежного обращения¹⁰. Но Временное правительство продолжало пагубную для государственной и финансовой самостоятельности России операцию по опустошению подвалов банка, и к 1 октября золота в банке ос-

⁴ См. «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 70—72.

⁵ См. А. Д. Гусakov. Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М. 1946, стр. 14; «Очерки истории СССР. 1907 — март 1917». М. 1954, стр. 52; А. Швецov. Аннулирование Советской властью займов царского и Временного правительств России. «Ученые записки» Саратовской областной партийной школы. Вып. I. Саратов. 1948, стр. 7—8; André Tardieu. La France et les alliances. Paris. 1909, p. 11; G. Michon. L'alliance franco-russe, 1891—1917. Paris, 1927, p. 127.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 26.

⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 560, оп. 26, д. 1403, лл. 102—103.

⁸ См. А. Л. Сидоров. Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей Родины. «Исторические записки». Т. 25, стр. 13.

⁹ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 6, оп. 2, д. 305, л. 8. По данным, сообщаемым П. И. Лященко, на 1 января 1917 г. золотой фонд Госбанка составлял 1 474 млн. руб. (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. Изд. 4-е. М. 1956, стр. 645).

¹⁰ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Дипломатическая канцелярия Ставки, д. 46, л. 57. Из справки министерства финансов к Петроградской конференции союзников.

талось лишь на 1295 млн. рублей. К началу 1917 года русского золота было вывезено за границу на 2140895316 руб., а к середине июля эта сумма возросла до 2308 млн. рублей¹¹. Только в Англию за время войны Россия вывезла золота на общую сумму 331 млн. долларов (по подсчетам Ф. Михалевского), или 567,4 млн. рублей (по данным Н. Н. Любимова)¹².

Реальный золотой фонд покрывал находившиеся в обращении бумажные деньги в 1914 г. на 98,1%, в июле 1917 г. — лишь на 9,5%, а в октябре 1917 г. — менее чем на 6%. Это было результатом потери золотых запасов и эмиссии денежных знаков, сумма которых к 1 ноября 1917 г. достигла 22,5 млрд. рублей¹³. С катастрофической быстротой падал курс рубля на зарубежных биржах, особенно при Временном правительстве¹⁴.

Государственный долг России составлял к 1 января 1917 г. 33,6 млрд. руб., а к ноябрю 1917 г. достиг 60 миллиардов. Финансовая система России к 1917 г. пришла в полное расстройство. Страну наводняли «керенки», казначейские знаки на клочках бумаги, не имевшие ни номера, ни даты. В свете приведенных фактов, естественно, не приходится и говорить о независимости Временного правительства от союзников в области финансов.

Дело, однако, не ограничивалось финансовой зависимостью. Западные империалисты стремились превратить Россию в свой аграрно-сырьевой придаток, лишить ее развитой национальной промышленности. Это стремление отразилось на характере внешней торговли России. Союзники ввозили преимущественно готовые изделия и промышленное сырье, а вывозили продукты сельского хозяйства и лес¹⁵. Колонизаторские тенденции в политике Англии, Франции и США по отношению к России резко усилились при Временном правительстве. «Русский капитал, — указывал Ленин, — есть отделение всемирной «фирмы», ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название «Англия и Франция»¹⁶. Западные страны и в довоенные годы всячески препятствовали развитию в России национального машиностроения, этой материально-технической основы независимости страны¹⁷. В 1917 г. России было отказано в предоставлении транспорта на перевозку ранее заказанных ею машин и станков. В связи с этим исполнение русских заказов на заводское оборудование в Англии было приостановлено, а размещение новых заказов прекращено¹⁸. Очень плохо стали выполняться и заказы царского и Временного правительств на промышленное сырье, что тормозило и без того плохую работу русских предприятий.

Следует иметь в виду, что Россия накануне войны (по данным 1912 г.) собственным производством обеспечивала: паровых машин — 12% требуемого количества,

¹¹ ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 2, д. 305, лл. 853; П. И. Лященко. Указ. соч., стр. 645. Приведенные цифры включают и русское золото, находившееся за границей до войны в качестве остатков средств по не использованным еще заграничным займам, и то золото, которое вывозилось в военное время.

¹² См. А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М. 1954, стр. 237.

¹³ Там же, стр. 262.

¹⁴ За все время войны до Февральской революции курс рубля понизился в Лондоне на 32%, в Париже — на 25%. За март — сентябрь 1917 г. — соответственно на 45% и 43% (Г. Деметьев. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 года. Пгг. 1917, стр. 53).

¹⁵ За январь — июнь 1917 г. через северные и южные границы из России было вывезено продуктов питания на сумму 21,6 млн. руб., сельскохозяйственного сырья — на 73 млн. руб., а ввезено (не считая военных поставок) промышленного сырья на сумму 200,9 млн. руб. и готовой продукции — на 345,8 млн. рублей. За эти 6 месяцев в Россию прибыло 1622 тыс. пудов каменного угля, 1512 тыс. пудов стали, 453 тыс. пудов чугуна (ЦГАОР и СС, ф. 6, оп. 2, д. 313, л. 4. 8). Из России в страны Антанты в 1917 г. было вывезено 82860 стандартов пиленого леса, 93775 т льна и пеньки, 1497 т марганцевой руды и т. д. (ЦГИАЛ, ф. 1525, оп 1, д. 987, л. 10—11).

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 300.

¹⁷ «Те машиностроительные предприятия, которые принадлежали иностранцам или находились под их контролем, носили по преимуществу сборочный характер и зависели от привоза частей из-за границы». «Очерки истории СССР, 1907 — март 1917 гг.», стр. 51.

¹⁸ См. «Военные поставки Англии, Франции и США в Россию при Временном правительстве». Публикация А. Е. Иоффе. «Исторический архив», 1955, № 3.

сельскохозяйственного машиностроения — 46%, двигателей внутреннего сгорания — 48% и т. д.¹⁹. В годы войны производство средств производства вследствие перевода многих предприятий на выпуск вооружения и общей экономической разрухи резко сократилось. Такое положение вполне устраивало западных империалистов. Во Франции разрабатывались проекты широкого вывоза из России сельскохозяйственного сырья и хлеба, создания французских предприятий по эксплуатации лесных массивов и горных богатств России. В первый послевоенный год французское правительство хотело закупить в России 195 млн. пудов хлеба, а в последующие годы — в среднем по 122 млн. пудов (до мировой войны Франция получала из России в средних цифрах 23 млн. пудов пшеницы ежегодно). Хлеб, согласно французским предложениям, предполагалось продавать по ценам ниже мировых, а часть платежей за русское зерно должна была идти в счет уплаты процентов по государственным займам. Из Франции в Россию, по мнению французского правительства, должны были ввозиться вагоны, паровозы, рельсы, сельскохозяйственные машины, то есть готовая промышленная продукция.

Незадолго до Февральской революции в Россию приехала французская торгово-промышленная делегация, члены которой заявили о желании установить на послевоенное время широкую программу вывоза сырьевых ресурсов из России в обмен на экспорт промышленных изделий и сельскохозяйственных машин²⁰. В июне 1917 года министерство иностранных дел Временного правительства сообщило в министерство торговли и промышленности, что Франция настаивает «на безотлагательном и принципиальном согласии» с ее планом. С этими проектами, которые нельзя характеризовать иначе, как колонизаторские, были связаны и намерения направить в Россию французских инженеров для эксплуатации естественных богатств страны, образовать французские компании, которые могли бы «захватить весь горный промысел России в свои руки»²¹, а во Франции использовать труд русских сельскохозяйственных рабочих²².

Подобного рода намерения были и у английской буржуазии. О том, насколько конкретны были подобные планы и сколь реальную опасность представляли они для самостоятельного развития русской экономики, свидетельствует хотя бы факт отправки союзникам хлеба в военные годы. Франция и Англия потребовали доставить им из разоренной страны в течение навигации 1917 г. не менее 50 млн. пудов пшеницы. Этот хлеб отправлялся за границу не из «скудных запасов», как считает Б. Б. Граве (стр. 73), — его отнимали у рабочих и солдат. Уже в марте 1917 года Деникин сообщал с Кавказского фронта, что продовольственное положение «безвыходное... близкое к катастрофе». Командующий Западным фронтом Валуев доносил, что «фронт перешел на фунт хлеба и $\frac{7}{8}$ фунта сухарей в день, но в апреле и эта норма не может быть обеспечена».

В последующие месяцы положение еще более ухудшилось. Армия получала около четверти сниженной нормы хлеба. Голодала значительная часть рабочих промышленных центров, впроголодь жила бедняцкая и середняцкая часть деревни, особенно центральных губерний²³. В Москве в августе 1917 года хлебный паек был сокращен до $\frac{1}{2}$ фунта в день, а в Московском уезде выдавалось не более двух фунтов в неделю. «Положение обостряется с каждым часом, — сообщал большевистский «Социал-де-

¹⁹ Л. Эвентов. Иностранные капиталы в русской промышленности. Л. 1931, стр. 70.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 553, лл. 1—11; оп. 8, д. 191, лл. 69—73. «Правительственный вестник» № 41, 21 февраля (6 марта) 1917 года. Делегация совершила поездку по городам Украины, проявив особый интерес к Донбассу (там же, № 44, 24 февраля (9 марта) 1917 года).

²¹ АВПР, ф. 11, департамент, 1—5, р. III, 1917 г., д. 51, л. 39.

²² Представитель министерства земледелия Временного правительства во Франции летом 1917 г. вел переговоры по этому вопросу. Было решено начать с превращения русских солдат во Франции, негодных к строевой службе, в батраков (см. АВПР, ф. 11, департамент, 1—5, р. III, 1917 г., д. 56, лл. 1, 3, 9—10). Кроме того, французское правительство предложило послать из России во Францию квалифицированных промышленных рабочих, обуславливая отправкой рабочих рук увеличение военных поставок (там же, ф. Канцелярия МИД, д. 60, т. 1, л. 200—201).

²³ См. А. Е. Иоффе. Хлебные поставки во Франции в 1916—1917 гг. «Исторические записки». Т. 29, стр. 72—73. Б. Б. Граве ссылается на эту статью, но содержащиеся в статье выводы ею не учтены.

мократ»,— уже начинаются голодные волнения»²⁴. В этих условиях согласие на отправку союзникам значительных количеств хлеба можно объяснить лишь потерей Временным правительством самостоятельности.

Кроме Англии и Франции, в 1917 г. попытки закабалить Россию и превратить русское народное хозяйство в источник огромных прибылей предпринимали США. Разбогатевший на войне «новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию»²⁵ ставил перед собой далеко идущие экспансионистские цели в отношении России. Для соответствующих переговоров и практических действий большое число политических деятелей, видных представителей американского делового мира посетило Россию.

После пребывания в ней миссии Рута некоторые иностранные газеты сообщали, что Рут договорился о предоставлении американским монополиям прав на эксплуатацию нефтяных источников и угольных копей на Сахалине и в Сибири, золотых приисков на Алтае, железных рудников на Кавказе и железных дорог на Урале. Сообщалось также, что достигнута договоренность об установлении общего контроля США над железными дорогами России (к осуществлению чего практически приступили члены миссии Стивенса) и даже о непосредственной передаче США части КВЖД²⁶. Но Октябрьская революция помешала осуществлению большинства американских проектов.

Русская империалистическая буржуазия, охваченная страхом перед развитием революции и борющаяся с силами революции при помощи Англии, Франции и США, капитулировала перед западными империалистами. В 1916 году в Париже состоялась экономическая конференция союзников. «Одна из главных задач» русских делегатов на конференции заключалась в том, чтобы внушить английским и французским делегатам, что «им надлежит оказывать России всемерную помощь, главным образом в виде прилива к нам иностранного капитала». В инструкции представителям царского правительства на конференции содержался иностранный список тех отраслей народного хозяйства, куда «приглашались» западные империалисты. Здесь были химическая и электротехническая промышленность, горная промышленность и банковый кредит, орошение и осушение необрабатываемых земель и машиностроение. Указывались и районы, «в кои особенно желателен прилив иностранных капиталов»: Сибирь, Туркестан, степные области, Кавказ. Иностранцы должны были быть уравнены в правах с русскими подданными в деле участия в предприятиях и приобретении недвижимой собственности. В таком же духе принимались решения на самой конференции. В них говорилось о взаимном предоставлении членами блока Антанты рынков сбыта и («по преимуществу перед другими») естественных богатств²⁷.

Различные организации русских капиталистов разработали обширные проекты передачи в иностранные руки машиностроения, транспорта, горного дела, лесной, химической и других отраслей промышленности²⁸. Во всех случаях речь шла о ключевых отраслях народного хозяйства, прежде всего и главным образом о производстве средств производства. На заседаниях упомянутой комиссии обсуждались специальные доклады относительно привлечения американских капиталистов в отдельные отрасли промышленности — машиностроительную, горнорудную, химическую. За широкий импорт американских капиталов в Россию высказался и Центральный военно-промышленный комитет²⁹.

²⁴ «Социал-демократ» № 142, 26 августа 1917 года.

²⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Госполитиздат. Изд. 7-е, стр. 372.

²⁶ См. Е. И. Полова. Сговор американского империализма с японским в 1917 году. «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 66.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 8, д. 190, лл. 38—40; «Правительственный вестник», 10 июня 1916 года.

²⁸ Все эти проекты были подробно рассмотрены в июне 1917 года в подготовительной комиссии экономического совещания о развитии производительных сил. ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 65, лл. 19—21, 29. В то же время журнал «Промышленность и торговля», орган русских капиталистов, предлагал немедленно разместить 16—18 млрд. руб. американских денег в русской тяжелой промышленности и железнодорожном транспорте. «Промышленность и торговля». 1917, № 22—23, стр. 401—402.

²⁹ «Известия Центрального военно-промышленного комитета», 15 мая 1917 года.

Подобная политика русской буржуазии в военные годы способствовала еще большему усилению экономической отсталости России и могла в случае осуществления намеченных проектов привести к катастрофическим последствиям для независимости нашей страны. Это с величайшей прозорливостью предвидел В. И. Ленин.

«Революция,— писал он в сентябре 1917 г. в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»,— сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически»³⁰.

Решить эту задачу — догнать и перегнать в экономическом отношении развитые капиталистические государства и спасти Россию от потери национальной независимости мог только революционный пролетариат во главе с Коммунистической партией.

Временное правительство, довершая начатое царизмом черное дело национальной измены, готово было распродать и разбазарить все что можно. Своей преступной, антинародной политикой оно ускоряло превращение России в полуколонию западных держав.

Фактическая потеря Россией к 1917 году самостоятельной роли в международных отношениях подтверждается взаимоотношениями царского и в особенности Временного правительства с союзниками по вопросам ведения войны. Подчиненная роль России при планировании и осуществлении военных операций стала очевидной уже в первый год военных действий. В 1914 году ради успеха сражения на Марне и спасения Парижа союзники заставили царское правительство бросить неподготовленные армии в Восточную Пруссию³¹. В 1915 году русские войска спасли от разгрома Сербию и Италию, в то время как союзники отказались поддержать их активными действиями на Западном фронте и сорвали отправку вооружения и военных материалов, поставив русские дивизии в крайне тяжелое положение³².

Более того, французское правительство осенью 1915 года потребовало от царских властей послать на Западный фронт 300 тыс. солдат и офицеров, намереваясь распределить их во всех французских частях по 10—15 человек на роту. Это дало бы возможность французскому правительству освободить из армии какую-то часть нужных для работы в тылу высококвалифицированных рабочих³³.

Никакими договорами выполнение такого требования не предусматривалось³⁴. Несмотря на это, из России за границу были посланы четыре бригады — две во Францию и две на Македонский фронт; значительные русские военные силы, также вопреки конвенциям, были по настоянию союзников отправлены в Румынию³⁵. И в 1916 году царское правительство вело военные операции не так, как это нужно было русским империалистам для защиты их собственных агрессивных целей, а так, как этого требовали интересы англо-французского империализма.

План кампании 1916 года, выработанный командованием царской армии, был отклонен союзниками. Этот план, предусматривавший нанесение главного удара русскими дивизиями на Балканах, был отвергнут прежде всего потому, что успешные опера-

³⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 338.

³¹ Через двадцать пять лет после этих событий, в 1939 г., выступая в палате общин, Ллойд Джордж заявил: «Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны и по сие время находились бы в Бельгии и Франции». См. «Правда», 5 апреля 1939 года.

³² Начальник штаба верховного главнокомандующего Янушкевич считал, например, что Россия выиграла бы кампанию 1915 г., если бы получила от союзников все необходимое оружие и боеприпасы. См. «Международные отношения в эпоху империализма». Т. 8, ч. 1, М.-Л. 1935, стр. 344—345.

³³ ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 1, л. 6; ф. 2003, оп. 1, д. 1151, л. 7.

³⁴ В декабре 1915 г. французское командование требовало уже отправки по 40 тыс. солдат ежемесячно. Об этом заявил Поль Думер во время переговоров с Алексеевым. «Международные отношения в эпоху империализма». Серия III. 1914—1917 гг. Т. 9. М.-Л. 1937, стр. 624—625.

³⁵ К 1917 г. в Румынии 23% пехоты и 37% кавалерийских дивизий состояли из бывших на фронте русских войск.

ции русских войск на Балканском полуострове усилили бы влияние царизма в этом районе, приблизили бы его к Константинополю и проливам. Царским генералам фактически пришлось приспособлять организацию военных операций к нуждам франко-английского фронта. Уже мартовское наступление русских войск у озера Нарочь в 1916 году сковало здесь немецкие силы и заставило германское командование в самый напряженный момент боев остановить атаку на Верден и перебросить часть своих сил на Восточный фронт³⁶.

Летнее наступление русских войск на Юго-Западном фронте дало возможность французским дивизиям перейти в контратаку у Вердена. Противник мог потерпеть полную катастрофу, но избежал ее, потому что западные союзники стремились затянуть войну. Они не поддержали русское наступление ни соответствующими крупными координированными операциями, ни эффективной помощью вооружением и боеприпасами. Свои обязательства по военным поставкам они выполняли по-прежнему неудовлетворительно, хотя накопили большие запасы оружия³⁷.

В 1917 году Россия в планах Антанты также играла роль основного поставщика пушечного мяса и орудия осуществления агрессивных замыслов англо-французской буржуазии. Военные планы принимались без учета мнения и интересов русского союзника: представители России имели не столько решающий, сколько совещательный голос.

На конференции в Шантильи (ноябрь 1916 года) было решено, что русская армия, поддержанная Западным фронтом, должна начать «решительное наступление» не позднее февраля 1917 года. Решения конференции были заранее подготовлены английскими и французскими делегатами и, по существу, не обсуждались; предложения представителя царского правительства не только не были учтены, но их даже и не рассматривали³⁸. Союзные военные конференции созывались не столько для координации действий союзных войск, сколько для очередного диктата «русскому союзнику».

Такое же отношение к России, как подсобной силе западных держав, было и на Петроградской союзной конференции (январь—февраль 1917 года). Английское и французское правительства рассчитывали, отодвигая на несколько месяцев ранее намеченные сроки крупных наступательных операций, сделать 1917 год последним годом войны, победив германские армии прежде всего ценой русской крови. От командования царской армией требовали не позднее 1 мая начать большое наступление, а до этого осуществлять второстепенные операции в помощь Западному фронту; военных же материалов обещали прислать в 1917 году 3,4 млн. т вместо 10,5 млн. т, определенных царским правительством как необходимый минимум.

Попытки царского, а затем и Временного правительства организовать военные операции своих войск так, чтобы они приблизили осуществление собственных агрессивных целей самодержавия в войне, в 1917 году также не имели успеха. Союзники, не считаясь с неподготовленностью русских войск к наступлению, требовали от Ставки русской армии проведения крупных операций в те сроки, которые устраивали западные правительства. Генерал Алексеев признал в своей речи на совещании командующих фронтами 1 мая 1917 года, что «характер отношений к нам представителей союзных армий за последнее время резко изменился, и союзники с нами в настоя-

³⁶ См. Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне. 1914—1918 гг. Т. I. М. 1923, стр. 169—170.

³⁷ Даже во Франции, несмотря на временную оккупацию противником ряда важных в промышленном отношении департаментов, военное производство непрерывно возрастало. За первые три квартала 1916 г., например, было выпущено (новых и отремонтированных) 13,3 тыс. самолетов, а за то же время 1917 г. — уже 22 тыс. Гаубиц и пушек было произведено 590 в 1916 и 2 865 — в 1917 году (см. Ребуль. Военные производства во Франции в 1914—1918 гг. М.-Л. 1926, стр. 32, 61). В Англии военное производство развивалось еще успешнее. В конце 1916 г. на 1 000 солдат изготовлялось тяжелых снарядов: в России — 7, во Франции — 38, в Англии — 83; мелких снарядов — соответственно 45, 137, 170 (А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Т. II. М. 1930, стр. 253—254).

³⁸ «Англичане и французы, — сообщал этот представитель, — ведут свою отдельную линию, направленную на оборону своих государств с наименьшей потерей войск и наибольшим комфортом, стараясь все остальное свалить на наши плечи и считая, что наши войска могут драться даже без всего необходимого. Они для нас не жертвуют ничем, а для себя требуют наших жертв, притом считают себя хозяевами положения», ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 1165, л. 553—554.

шее время перестали, по-видимому, считаться»³⁹. Представители Англии и Франции оказывали непрерывный нажим на Временное правительство. Они не останавливались перед угрозой предоставить Японии «свободу рук» в Сибири, если Россия не начнет наступления, и отдать Японии всю Маньчжурию и Уссурийский край, если японское правительство пошлет миллион солдат в Европу⁴⁰.

При помощи наступления на Восточном фронте Антанта рассчитывала не только приблизить свою победу в войне, но и нанести сокрушающий удар русской революции. В этом отношении цели русских и западных империалистов полностью совпадали. Наступление на русском фронте оказало большую помощь союзникам как прямую (началась переброска германских дивизий с запада на восток)⁴¹, так и косвенную (внимание немецкого командования было переключено на Русский фронт). Но командование французских войск в ответ на просьбу Временного правительства оказать энергичную поддержку начавшемуся наступлению ограничивалось лишь одними обещаниями⁴².

Эти обещания неоднократно подтверждались, однако, несмотря на то, что в июле обращения Временного правительства и Ставки за помощью превратились в мольбы, на Западном фронте не наблюдалось не только «энергичных» действий (как обещалось), но и вообще сколько-нибудь заметного оживления. На западе было без перемен. 25 июля, когда провал наступления на Русском фронте стал очевидным, французский верховный главнокомандующий Петэн в ответ на новую «настойчивую просьбу» представителя Временного правительства обещал, что активные боевые операции французских войск развернутся в середине августа⁴³. Это обещание не было выполнено, так же как и все предыдущие.

Союзники по-прежнему не выполняли полностью и свои обязательства по военным поставкам в Россию; материально-техническое обеспечение наступления было неудовлетворительным. Не выполнялись даже скромные решения Петроградской конференции⁴⁴. Недобросовестность союзников в этом отношении нанесла России ущерб в 3 млрд. рублей⁴⁵.

Таким образом, в военных вопросах при Временном правительстве Россия играла в системе Антанты подсобную, подчиненную роль. Буржуазные русские министры терпели неудачи в своих стремлениях вести военные действия в соответствии с собственными агрессивными замыслами; оперативные планы и даже сроки наступления русских войск диктовались союзниками.

Временное правительство постигла неудача и в дипломатической борьбе с западными союзниками. Мнение Б. Б. Граве о том, что «с этим более слабым союзником (речь идет о России.— А. И.), представлявшим самостоятельную империалистическую державу, союзникам приходилось считаться, в известной мере удовлетворяя его империалистические задачи» (стр. 68), не подтверждается фактами, в особенности событиями 1917 года.

Подписывая в 1915 г. тайное соглашение, содержащее обещание предоставить царскому правительству Константинополь, проливы и еще некоторые другие территории, союзники и не собирались его выполнять. Россия им была нужна для того, чтобы

³⁹ См. А. И. Зайончковский. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. VII. Кампания 1917 года. М., 1923, стр. 134.

⁴⁰ См. Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Временного правительства. М., 1946, стр. 32.

⁴¹ За летнее время с запада на восток было переброшено 9 дивизий. ЦГВИА, ф. 416/с, оп. 1, д. 56, л. 38. Все железные дороги Германии и Австрии, сообщали агенты Ставки за границы, загружены войсками и тяжелой артиллерией, направляющимися на Русский фронт (там же, д. 57, л. 262).

⁴² Там же, д. 12, л. 105; д. 13, л. 39.

⁴³ Там же, д. 13, л. 16 об.

⁴⁴ См. «Исторический архив». 1955, № 3, стр. 150—179.

⁴⁵ Эта сумма в числе контрпретензий к странам Антанты была названа советской делегацией на международной экономической конференции в Генуе в 1922 году. «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. II (1921—1924 гг.). М., 1944, стр. 351—352.

выиграть войну. Поэтому они могли обещать ей что угодно, ибо, как говорил В. И. Ленин, «...обещания есть единственная вещь, которая дешева даже в эпоху бешеной дороговизны...»⁴⁶. Соглашение 1915 г. весьма крепко привязывало Россию к Антанте и открывало дополнительные возможности для военно-политического давления на русских империалистов.

Англия стояла за «интернационализацию» проливов по тину тогдашнего статуса Суэцкого канала, то есть за установление своего фактического контроля над проливами, а отнюдь не за передачу их России. Франция также была против передачи России обещанной территории⁴⁷. К тому же представителям западных держав было легко отказаться от своих обещаний, так как, согласно соглашению, царизм должен был получить свою долю добычи «при условии, что война будет доведена до победного конца, и при условии осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах...»⁴⁸. В подходящий момент западные империалисты могли заявить, что какое-либо из их стремлений еще не осуществлено,— ведь никогда никто из них не называл всех своих захватнических «пожеланий», не фиксировал предела агрессивных целей. К тому же война велась союзниками с таким расчетом, чтобы к концу ее сильными оказались именно они, а обескровленной — Россия, что сделало бы шансы русских империалистов на территориальные захваты равными нулю.

Уже события 1915 года отчетливо это показали. 26 февраля лорд Берти записал в своем дневнике о намерениях западных правительств: «Считаю целесообразным, чтобы Англия и Франция заняли Константинополь раньше России»⁴⁹. Соответственным образом действовало на Балканах и Ближнем Востоке французское и английское командование. В июле 1915 г. штаб Кавказской армии сообщил в Ставку об «усердной деятельности» союзников в Дарданеллах. «Позволю себе утверждать,— телеграфировал из штаба генерал Болховитинов,— что их содействие войне нашей с Турцией сводится лишь к прочному занятию ими заранее облюбованных для себя пунктов»⁵⁰. Осуществить самостоятельные военные операции против Турции оказались не в состоянии ни царские генералы, ни Временное правительство⁵¹, демагогические же заявления последнего о «мире без аннексий и контрибуций» были немедленно использованы союзниками для того, чтобы объявить об отказе «новой русской власти» от прежних договоров и считать себя уже и формально не связанными соглашением 1915 года⁵².

Французская печать сообщала о возможном сепаратном мире с Турцией. На заключении такого мира настаивал французский посол в Петрограде Палеолог⁵³.

Грабительский договор о разделе Малой Азии («соглашение Сайкс-Пико») был подготовлен и оформлен Англией и Францией. Лишь после подписания этого договора к нему было предложено прикнудить царскому правительству⁵⁴. Царизму «разрешалось» занять несколько областей Малой Азии. При этом английский министр ино-

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 120.

⁴⁷ См. Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914—1919. М. 1927, стр. 49; Р. Пуанкаре. На службе Франции. М. 1936, стр. 340—344.

⁴⁸ «Константинополь и проливы». По секретным документам б. министерства иностранных дел. Под редакцией Е. А. Адамова. Т. I. Литиздат НКВД. М. 1925, стр. 295.

⁴⁹ Лорд Берти. Указ. соч., стр. 50.

⁵⁰ Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. Ставка, № 716, оп. I, д. 475, л. III.

⁵¹ Министерство иностранных дел царского правительства предложило высадить десант на Босфоре, но военное руководство отказалось, ссылаясь на слабость военных ресурсов на Черном море и невозможность снять значительные силы с германо-австрийского фронта. Ничего в этом отношении не изменилось и после Февральской революции. И Временное правительство не смогло организовать высадку десанта, хотя приготовления к операции делались. См. «Константинополь и проливы». Т. II. М. 1926, стр. 392—393; ЦГАВМФ, ф. Ставка, № 716, оп. I, д. 87, лл. 19—20, 22; ф. 418, оп. 3, д. 123, л. 16.

⁵² См. АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 3, т. I, л. 217; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. I, д. 819, л. 37.

⁵³ «Константинополь и проливы». Т. I, стр. 479; М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М. 1923, стр. 460.

⁵⁴ М. Палеолог. Указ. соч., стр. 73—74.

странных дел Грей сделал специальную оговорку, что в тех областях Османской империи, которые отходили к России, должны быть сохранены английские концессии и все права каботажного плавания английского флота по Черному морю. Практическая возможность этих империалистических захватов определялась реальной силой, военными успехами русских войск на Ближнем Востоке, чему всячески препятствовали союзники. «При капитализме,— писал В. И. Ленин,— не мыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет сил участников дела, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»⁵⁵.

В 1917 году это тайное соглашение было пересмотрено без участия представителей Временного правительства, вопреки его протестам (некоторые области были выделены для Италии); но реализация даже тех статей соглашения, которые остались в прежнем виде, была невозможна из-за неспособности Временного правительства собственными силами захватить предназначавшиеся ему территории. Союзники же не собирались уступать России какой-либо части своей добычи на Ближнем Востоке.

Наконец, полное поражение потерпели русские империалисты в греческом вопросе, показав тем самым неспособность защищать собственные агрессивные цели. Временное правительство, по существу, было отстранено от участия в «греческой политике» Антанты и вынуждено было отозвать войска из Греции, что еще более ослабило позиции русской буржуазии на Балканах⁵⁶. Не удалось и попытки добиться сохранения значительных военных сил союзников на Македонском фронте, прикрывавшем Румынский и отчасти Юго-Западный фронты. На военной конференции, заседавшей в конце июля 1917 года, Англии и Франции фактически была предоставлена свобода действий в этом районе⁵⁷. Все переговоры между странами Антанты проходили без всякого участия представителей Временного правительства, которых даже перестали приглашать на союзные конференции. Да и сама русская буржуазия стала побаиваться таких конференций⁵⁸. Таким образом, союзники игнорировали захватнические планы русских империалистов.

В 1917 году Россия стала уже не столько субъектом, сколько объектом действия — ее пытались разделить на «сферы влияния». Согласно тайной сделке между Францией, Англией и США, состоявшейся в конце июля 1917 года, Соединенные Штаты брали на себя «реорганизацию» железных дорог, Англии предоставлялось прибрать к рукам военный флот, а Франции — сухопутные вооруженные силы⁵⁹. С целью реализации этой сделки в Россию прибыла большая французская военная миссия во главе с генералом Нисселем, которой было поручено «реорганизовать» русскую армию, если это возможно». Перед отъездом в Петроград Ниссель посетил Лондон, где «нашел единую точку зрения с британским военным руководством по вопросу о немедленных мерах, необходимых для того, чтобы способствовать восстановлению русских сил»⁶⁰. Миссия должна была обеспечить дальнейшее участие России в войне и, конечно, помочь русской буржуазии сохранить власть. Члены миссии прикомандировывались к штабам армий, как это было, например, на Северном фронте⁶¹. Одновременно при-

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 281.

⁵⁶ «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». Под редакцией и со вступительной статьей Е. А. Адамова. М. 1922, стр. 191, 204; АВПР, ф. Посольства в Лондоне, д. 614, л. 172—173.

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия МИД, л. 3, т. II, 1917 г., л. 418.

⁵⁸ 7(20) сентября 1917 г. посол Временного правительства Набоков сообщал из Лондона, что «в интересах России желательно как можно дольше оттянуть созыв каких бы то ни было конференций, политических или стратегических». АВПР, ф. Канцелярия, т. II, д. 3, 1917 г., л. 510.

⁵⁹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. V, 1938, стр. 75—76. АВПР, ф. Экономический департамент, I делопроизводство, д. 159, л. 37. Соглашение было вскоре несколько видоизменено: «помощь» Мурманской дороге изымалась из ведения США в пользу Англии, а «помощь» западным и юго-западным дорогам переходила к Франции. Внесенные по настоянию английских и французских империалистов поправки отражали борьбу Англии и Франции против угрожавшей их интересам американской экспансии в Россию. Характерно, что Временное правительство даже не было официально извещено об этой сделке.

⁶⁰ Les armées françaises dans la grande guerre. Т. V. 2 vol. Paris. 1936, p. 1115—1116.

⁶¹ ЦГВИА, ф. 2155, оп. I, д. 7, л. 14.

ехала английская миссия для «реорганизации» флота⁶². Французские империалисты собирались послать в Россию целые военные подразделения, которые должны были оказать помощь русской буржуазии в борьбе против революции. Такие же намерения были и у США.

В августе 1917 года западные правительства попробовали поставить над Временным правительством «особоуполномоченного комиссара союзных держав», то есть непосредственно вмешаться во внутренние дела России. Была подобрана и кандидатура. Таким «особоуполномоченным комиссаром» намечался французский социалистический министр Альбер Тома, который, как писал директор дипломатической канцелярии при Ставке князь Трубецкой в письме к Терещенко, стал бы заниматься «не столько содействием, сколько воздействием на наши правительственные органы»⁶³. Последний, понимая, к каким последствиям для русских буржуазных министров может привести водворение А. Тома в Петрограде, «дал понять» французскому правительству свое отрицательное отношение к этой затее⁶⁴. Вопрос остался открытым.

Ссылка Б. Б. Граве на то, что Временное правительство оставило в силе все тайные царские договоры (стр. 74), не меняет существа дела. Союзники, как указывалось выше, изменили содержание этих договоров. Русские империалисты потеряли зафиксированные в них реальные права (сохранив при этом все обязанности!), ничего не могли по ним получить и фактически воевали ради интересов всего Англии, Франции, США.

Попытки царского правительства переориентироваться на Германию неизменно кончались неудачей. После Февральской революции в Берлине и в Вене пытались заключить сепаратный мир с Россией. Но, связанное по рукам и ногам иностранным капиталом, Временное правительство не могло принять предложений противников. Об этом неоднократно официально заявляли его министры. Союзники же готовились заключить мир за спиной России и за ее счет. Летом 1917 года генерал Петэн откровенно говорил, что «завладение немцами всем Прибалтийским краем может настолько удовлетворить их», что они предложат Франции и Англии выгодный мир и правительства этих стран «могут быть вынуждены на принятие немецких предложений»⁶⁵. Уже в июне — июле 1917 года руководители Антанты взяли определенный курс на заключение сепаратного мира. «Не на что больше надеяться. Надо постараться договориваться с Австрией и Турцией», — записал 27 июня в своем дневнике Пуанкаре. В июле к этому же выводу пришел военный министр Пенлеве («единственным выходом... могло быть заключение сепаратного мира с Австрией»)⁶⁶. Сепаратные переговоры о мире за счет России и за ее спиной, особенно активные в августе — сентябре — октябре 1917 года, являлись составной частью заговора международного империализма против русской революции.

В своей борьбе против народов России Временное правительство получало помощь Антанты. Без прямой поддержки извне оно не надеялось справиться с революционными силами. От этого в еще большей степени росла политическая зависимость России от Антанты. Этот важнейший вопрос остался, к сожалению, вне поля зрения и в статье И. В. Маевского, который справедливо указывает, что «тот, у кого сильные позиции в экономике и кто влияет на ее развитие, у того сильные позиции и в политике и тот влияет на нее»⁶⁷. Но И. В. Маевский не показывает, что политический фактор, в свою очередь, воздействовал на характер экономических взаимоотношений. В периоды революций обратное влияние политики на экономику, как известно, особенно важно.

Начатый после свержения самодержавия поход западных империалистов против русской революции летом 1917 года «перешел в прямой штурм революции, выразившийся в открытом блоке между союзными банкирами и контрреволюционными сила-

⁶² J. Noulens. Mon ambassade en Russie soviétique, 1917—1919. Vol. I. Paris, 1933, p. 82.

⁶³ АВВР, ф. Секретный архив министра, д. 653, л. 8.

⁶⁴ Там же, ф. Канцелярия МИД. «Война», д. 198, л. 183.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 946, л. 37.

⁶⁶ R. Poincaré. An service de la France. Vol. IX. L'année trouble. Paris. 1932, p. 177; P. Painlevé. Comment j'ai nommé Foch et Pétain. Paris. 1924, p. 212.

⁶⁷ «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 76.

ми в России, финансировании их английским капиталом, прямом вмешательстве «союзных» властей во внутренние дела России, наконец, в требовании перехода в наступление, несмотря на абсолютную неподготовленность к нему русской армии»⁶⁸. После провала инспирированного правящими кругами стран Антанты наступления на русском фронте западные империалисты оказали Временному правительству большую помощь в попытках установить в России кровавую террористическую диктатуру.

Самая программа «успокоения» революции была составлена в разгар июльского кризиса английским генералом Ноксом и передана Временному правительству через английского посла в Петрограде. Русское буржуазное правительство приняло требования Антанты, в том числе такие, как «восстановление смертной казни по всей России для всех подведомственных военным и морским законам», «разоружение всех рабочих в Петрограде» и др. Очень скоро, однако, союзники выдвинули новые условия, считая принятые меры недостаточными. Они выступили с авантюристическим требованием полного разгрома революционных сил. 16(29) июля на совещании командующих фронтами в Ставке под председательством Керенского была принята новая программа; примерно в тех же выражениях она сформулирована и генералом Ноксом в его письме к Бьюккенену на тему «Военное состояние России»⁶⁹. В качестве исполнителя этих планов английским и французским правительствами обсуждалась и была «одобрена» кандидатура Корнилова.

На средства западноевропейских империалистов формировались такие части, как чехословацкий корпус, польский «добровольческий корпус» под командованием реакционного генерала-монархиста Довбор-Мусницкого. Этим частям военное командование союзников, вопреки интересам и настроениям польского и чешского народов, предназначало роль душителей революции. Под прикрытием находившегося на Правобережье Украине чехословацкого корпуса Корнилов и его зарубежные покровители рассчитывали вызвать войска с Юго-Западного и Румынского фронтов, одновременно используя самый корпус для борьбы против революции. Иностранные военные миссии в России дали также согласие на использование Корниловым польских частей Довбор-Мусницкого, которые формировались в Белоруссии и могли отрезать последнюю от Москвы и Петрограда.

Участники заговора, кроме того, просили союзников подтянуть к Петрограду сербские войска, находившиеся в Вологде, Ярославле и Архангельске и предназначенные для отправки в Месопотамию. Все эти мероприятия были рассчитаны на то, чтобы нанести удар в спину русской революции. Об этом уже тогда предупреждала большевистская печать. «Каждому ясно,— писал «Социал-демократ»,— что когда с фронта отзываются войска для завоевания Петрограда, когда центры политической и промышленной жизни отрезаются от всей страны, и войска движутся не навстречу армии Вильгельма, когда Ставка и Главнокомандующий и весь генералитет поглощены планами похода на Россию, они действуют вместе с армией Вильгельма». Печать отмечала и роль иностранных покровителей контрреволюционного заговора⁷⁰.

Накануне победы вооруженного восстания в Петрограде, 6 ноября, Френсис, узнав от Терещенко о предстоящем «восстании большевиков», послал телеграмму своему правительству, в которой настаивал на присылке американских войск в Россию (он предлагал отправить «две или более армейские дивизии через Владивосток или Швецию»)⁷¹. Американский посол, видимо, рассчитывал при помощи этих войск укрепить боеспособность Русского фронта и помочь Временному правительству подавить революцию. Этим двум целям и была подчинена политика Англии, Франции и США в «русском вопросе» накануне Великого Октября. Известно также, что союзники, все время готовившие за спиной России сепаратный мир, не препятствовали движению

⁶⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, Изд. 7-е, стр. 372—373.

⁶⁹ См. Alfred Knox. With the Russian Army 1914—1917. London. 1921. Vol. II, p. 662, 744. И. М и н ц. Английская интервенция и северная контрреволюция. М. 1931, стр. 12—13.

⁷⁰ См. «История гражданской войны в СССР». Т. 2, М. 1943, стр. 16; А. Е. Иоффе. Отношение Франции, Англии и США к заговору Корнилова. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР». Вып. 10. М. 1956, стр. 69—70.

⁷¹ «Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia». Vol. I, p. 221; D. Francis. Russia from the American Embassy. New York. 1921, p. 178.

германских войск на Петроград, занятию ими Эзеля и блокаде русского побережья в Балтийском море. Все это делалось с целью разгромить революцию. Таким образом, ради получения помощи в борьбе против своего народа русские капиталисты и помещики шли на самую черную измену. За свои активные попытки спасти эксплуататорский строй в России западные империалисты брали дорогую цену: они закрепляли и расширяли свои политические и экономические позиции в России.

Рябушинские, путиловы, гучковы распродавали русские национальные богатства Антанте, опасаясь действий революционного пролетариата. Большевицкая партия учитывала, что международный империализм угрожает задушить русскую революцию, поэтому она не медлила с принятием решения о вооруженном восстании⁷².

Таким образом, в годы империалистической войны шел интенсивный процесс превращения России в полуколоннию западных государств. Россия при Временном правительстве оказалась на положении подсобной силы и послушного орудия в руках иностранных империалистов. «Полуколоннальные» государства В. И. Ленин рассматривал, как «переходные формы» от самостоятельных стран к колониям. «Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, — писал Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», — что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью... Но, разумеется, наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу такое подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколоннальные страны типичны, как «середина» в этом отношении»⁷³.

В. И. Ленин, конечно, не случайно называл Временное правительство «приказчиком англо-французского капитала»⁷⁴. Эта оценка находится в полном соответствии с реальными фактами, часть которых приведена выше. В то же время западные империалисты повели борьбу за лишение России политической независимости. Достаточно убедительно об этом свидетельствует вся совокупность военно-политических, экономических и дипломатических взаимоотношений русских империалистов с союзниками. На VI съезде партии в докладе И. В. Сталина о политическом положении было подчеркнуто, что «...путь продолжения войны, продолжения наступления на фронте, подчинения всем приказаниям союзного капитала и кадетов»⁷⁵ ведет к полной зависимости от союзного капитала, к торжеству контрреволюции.

Конечно, Россия не лишилась полностью своей самостоятельности и при Временном правительстве. Но стадия «переходного периода» от самостоятельности к положению колониального государства — положение полуколонии — как раз и характерна для предоктябрьской России. Борьба из-за полузависимых стран, указывал В. И. Ленин в цитированной книге, «особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен»⁷⁶. Конкурентная борьба между английскими, французскими и американскими соперниками за русский рынок свидетельствует о том, что ленинская оценка и в этой ее части может быть применена к России 1917 года.

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции наша Родина избежала реальной угрозы потери независимости. Октябрьская революция спасла Россию от нависшей над нею экономической и национальной катастрофы, от угрозы расчленения и порабощения ее западными империалистическими хищниками.

⁷² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 162.

⁷³ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 246—247.

⁷⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 328.

⁷⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 175—176.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 247.